

Викентий Федорович на секунду задержался перед большим окном и окинул взглядом свое отражение. Была у него такая тщательно скрываема-
мая привычка. Он ловил свое отражение в каждом зеркале, в каждой витрине, в зеркальных окнах машин, в окнах домов...

Как всякая тщательно скрываема-
мая привычка, эта привычка Викентия Федоровича была хорошо известна его коллегам и подчиненным. Не ли-
шенный артистизма Сахаринов часто передразни-
вал начальника (конечно, только в его отсутст-
вие) — застывал перед зеркалом с выражением
печальной отрешенности на лице, медленно по-
водя головой, как павлин, и делая вид, что пыта-
ется разглядеть свой профиль.

Животовский смотрелся в зеркала не от само-
любленности или самоуверенности. Напротив,
несмотря на достаточно высокое положение, на
известность, этот сорокалетний мужчина страдал
неизжитыми подростковыми комплексами. Он
был мучительно неуверен в себе. Ему казалось,
что в его внешности или одежде что-то не в по-
рядке, что-то не так — не застегнуты какие-ни-
будь важные пуговицы, или развязались шнурки,
или неприлично растрепались волосы...

Викентий Федорович мучительно боялся показаться смешным.

Он на секунду задержался перед большим окном в холле, окинул быстрым взглядом свое отражение, убедился, что все в порядке — чуть редеющие темные волосы хорошо уложены и умело закрывают намечающиеся залысины, модные очки без оправы сидят так, как надо, длинный черный кожаный плащ с узким воротничком из голубой норки застегнут на все пуговицы.

Он воровато оглянулся — не заметил ли кто, как он смотрит в это окно.

В холле телецентра никого не было. Большинство сотрудников давно разошлось по домам, а разные дежурные и ведущие ночных передач сидели тихо, как мышки, по звуконепроницаемым норкам, занимаясь своим делом.

Только немолодой охранник оставался в своем деревянном вольере и изображал бдительность.

На самом деле он разгадывал кроссворд и сейчас мучительно ломал голову, пытаясь отыскать столицу европейского государства из девяти букв, с буквой «Г» точно посередине. У него даже мелькнула шальная мысль попросить помощи у Викентия Федоровича, но он спешно прогнал эту мысль — известный режиссер, большой начальник, безусловно, рассердился бы на него за такую фамильярность.

Хотя на самом деле Животовский нисколько бы на него не рассердился и подсказал бы название этой несчастной столицы, потому что как раз в следующий понедельник собирался по делам в Стокгольм.

— До свиданья, Викентий Федорович! — заискивающе проговорил охранник, на всякий случай пряча кроссворд в стол.

Животовский ничего ему не ответил. Не от руководящего хамства, а оттого, что мучительно пытался понять: видел охранник, как он смотрелся в зеркало, или нет.

Автоматические двери открылись, выпуская известного режиссера и большого начальника, и плавно закрылись у него за спиной.

Викентий Федорович нашарил в кармане плаща брелок автомобильной сигнализации. Выполненный в виде жизнерадостного кролика, этот брелок напоминал Животовскому поездку в Америку, интервью, которое он давал журналу «Плейбой», и неудачную попытку выставить свой последний фильм на «Оскар».

Животовский вспомнил — и расстроился.

Для того он и держал этот «плейбойский» брелок, чтобы не зазнаваться, чтобы находиться в постоянном творческом поиске, для которого требуется плохое, а лучше — отвратительное настроение.

Он нажал кнопку, и любимый «Пежо» отозвался со стоянки радостным ржанием.

Животовский подошел к машине, предвкушая двадцать минут покоя в уютном салоне, пахнущем дорогой кожей и комфортом, под чарующую музыку Гаэтано Доницетти...

И в это время из-за громоздкого джипа Гоши Шапшевского, коммерческого директора телеканала, выскользнула сутулая фигура.

Узнав приближавшегося человека, Викентий Федорович огорчился.

Это было не то отвратительное настроение, которое нужно для поддержания творческого тонуса.

Это было тоскливое предчувствие утомительного разговора с занудой. К тому же еще не совсем нормальным занудой.

— Зачем вы пришли? — недовольно спросил Животовский. — Ведь я вам вчера уже все сказал!

— Я пришел, чтобы восстановить историческую справедливость! — пробубнил занудный псих.

— Вы на часы не смотрели? — Викентий Федорович скривился, как от целого лимона. — Рабочий день давно уже кончился! У меня совершенно нет сил! Ну разве так можно? Приходите завтра, в рабочие часы, я попрошу выписать вам пропуск... хотя прямо вам скажу — не знаю, о чем мы будем говорить! Я вчера все вам сказал, и, если придется повторять снова, честное слово, мне просто жалко своего и вашего времени!

— Вот видите! — Псих оживился, как будто нашел в словах Животовского неожиданную поддержку. — Вы сами сказали, что приходить завтра совершенно бессмысленно...

— Ну и что из того? — беспокойно переспросил Викентий Федорович, чувствуя, что странный человек заманивает его в какую-то ловушку.

— Значит, нет никакого смысла откладывать на завтра!

— Что откладывать? — Животовский огляделся по сторонам, надеясь, что появится кто-нибудь из коллег и поможет ему выкарабкаться из этого

бесполезного, бесцельного и утомительного разговора.

Никого, разумеется, не было.

Охранник за стеклом входных дверей увлеченно разгадывал свой дурацкий кроссворд. Теперь ему требовался американский киноартист из пяти букв с буквой «Й» точно посередине.

— Что откладывать? — тоскливо повторил Животовский, поняв, что подмоги не будет и придется выпутываться самому.

— Восстановление исторической справедливости.

Какой зануда! И почему он привязался именно к нему, к Викентию Федоровичу, известному и преуспевающему человеку?

Позвать, что ли, охранника, попросить прогнать этого идиота?

Животовскому стало стыдно. Он покажется смешным, беспомощным, мнительным... а именно этого он боялся больше всего на свете!

Он чувствовал, что покой в удобном салоне машины и музыка Доницетти откладываются, что прежде ему придется общаться с занудным кретином, обсуждать его дурацкие амбиции...

Сутулый человек подошел к нему вплотную, словно хотел что-то сказать на ухо. Животовский брезгливо отстранился и вдруг увидел, как в руке психа блеснуло что-то острое и тонкое. Викентий Федорович открыл рот, чтобы возмутиться, как следует отчитать этого идиота, который вообразил о себе невесть что. Но идиот снова придвинулся вплотную и коротким сильным ударом воткнул ему в грудь свое тонкое и острое оружие.

Почему-то Животовский в первое мгновение подумал, что кретин испортил замечательный кожаный плащ.

Во второе мгновение он почувствовал страшную, пронзительную боль и удивительную щемящую тоску, как будто ему предстояло навсегда расстаться с очень близким и любимым человеком. Впрочем, так оно и было, ведь у Викентия Федоровича Животовского не было никого ближе, чем он сам, а именно с самим собой ему предстояло расстаться.

Неожиданно в мире кончился воздух. Дышать стало нечем. Даже те жалкие крохи воздуха, которые удавалось невероятным усилием протолкнуть в легкие, не годились для дыхания — они были хрупкими и колючими, как битое стекло.

Животовский успел еще подумать, что ему так и не удалось получить «Оскара», а также «Золотую пальмовую ветвь» Каннского кинофестиваля, и на этой мысли он остановился.

Викентия Федоровича Животовского, известного кинорежиссера и телевизионного продюсера, больше не существовало.

Тело в дорогом кожаном плаще с узким воротником из голубой норки сползло по блестящему боку «Пежо-406» и застыло на асфальте возле правого переднего колеса.

Сутулый человек внимательно посмотрел на дело своих рук, завернул оружие убийства в носовой платок и спрятал в карман.

Оглянувшись на стеклянные двери телецентра, за которыми невозмутимый охранник разгадывал кроссворд, он вполголоса проговорил:

— Историческая справедливость восстановлена...

Чуть подумав, добавил:

— Частично восстановлена! — и быстрым шагом направился за угол телецентра, где его ожидала машина.

В квартире стояла тишина. Но не та одинокая холодная тишина, которая наблюдается в квартирах, покинутых хозяевами надолго — уехали к примеру в отпуск или в долгую командировку. И не та мертвая тишина, какая бывает в абсолютно пустой квартире — хозяева переехали, квартиру выставили на продажу и вывезли все ценное, а остальное бросили за ненадобностью. Не было также в квартире гулкой тишины нового дома, когда в самой квартире еще никого нету, но от соседей сверху доносится визг дрели и постукивания, а за стеной кто-то шуршит и хлопает дверью, и на лестнице сквозняк, потому что носят и носят плитку, линолеум и мешки с цементом. В квартире никого нет, но понятно, что не сегодня завтра распахнется дверь и ворвутся в квартиру развеселые ребята-мастера, предводительствуемые солидным немногословным прорабом, набросятся на пол, потолок и стены и через некоторое время превратят пустой бетонный сарай в игрушку.

В этой квартире стояла совсем другая тишина — уютная, домовитая. Вот чуть треснул паркет, вот колыхнулась занавеска. Скрипнула оконная рама, с кухни донеслось удовлетворенное урчание холодильника.

Квартира была полна обитателей, но все они в

этот поздний и теплый апрельский вечер вели себя тихо, почти не издавая звуков. Впрочем, звуки были.

Из большой клетки, стоявшей на тумбе в гостиной, доносилось постукивание и почесывание. Клетку накрыли платком, но тот, кто находился внутри, вел себя спокойно.

С дивана доносились время от времени тихие взвизги и всхрапывания — там растянулся крошечный песик породы чихуахуа. Песик сладко спал, изредка подергивая во сне лапами. В другом углу дивана лежал, свернувшись калачиком, черный пушистый кот, даже в такой позе казавшийся огромным. Кот не шевелился и не издавал никаких звуков, но, присмотревшись к нему, можно было заметить, что глаза у кота открыты и он поглядывает по сторонам весьма настороженно.

Кот Аскольд всегда заранее предчувствовал перемены. В этот раз ему пришлось расположиться на диване, поскольку его любимое кресло заняла Лола. Лола сидела в кресле, поджав ноги, и с увлечением читала толстую книгу. Таким образом тишину с ее стороны нарушал лишь шелест страниц. Вот она перевернула последнюю и захлопнула толстую книгу. Кот от звука не двинулся с места, только вопросительно приподнял одно ухо, Пу И, Лолин любимец, крошечный чихуахуа, названный ею так в честь последнего китайского императора, даже не проснулся.

В комнате было раскрыто окно, и внезапный порыв ветра всколыхнул занавеску. Лола слегка поежилась — все же вечером в апреле прохладно. Но лень было встать с кресла и закрыть окно.

Только сейчас она поняла, что в комнате темно-вато. Надо же, как зачиталась... Лола потянулась в кресле и заметила, что кот смотрит на нее очень внимательно.

— Аскольд, а я знаю, что ты не спишь, — протянула она.

Кот не обратил на ее слова ни малейшего внимания, даже не повернул голову в ее сторону. Он напряженно прислушивался к чему-то одному ему ведомому. Лола, прекрасно изучившая кота, тоже стала прислушиваться, но ничего не услышала. Она тихонько потянула к себе тапочки и встала с кресла, потирая занемевшую ногу. В это самое время Аскольд сорвался с дивана и черной молнией бросился в прихожую, после чего сел там у двери, преданно поедая ее изумрудными глазами.

Привычно подивившись такой прыти и также привычно обидевшись на кота, Лола потащила на кухню. Она прекрасно знала, что кот Аскольд совершает такие кульбиты только в одном случае — минуты за три перед появлением в квартире Лени Маркиза — Лолиного компаньона. Больше кот ничем не проявлял своего особенного отношения, только иногда мурлыкал по утрам, лежа у Маркиза на груди.

Обиделась же Лола на кота, потому что она его кормила и даже пыталась вычесывать, он же принимал ее заботы как должное и очень редко выражал свою благодарность. Лола забыла в этот момент, как в трудную минуту, когда Ленька бросил ее и уехал с какой-то отвратительной провинциальной кривоногой каракатицей, звери сплотились вокруг нее и помогли пережить трудное вре-

мя. И когда Ленька вернулся, а иного и быть не могло, звери приняли его в штыки. Но Маркиз с его обаянием легко сумел растопить холодок, возникший между ним и котом, и вот уж Аскольд сидит и смотрит на дверь так пристально, как будто хочет на ней дырку проделать...

Звонок в дверь раздался неожиданно: Лола прислушивалась к шуму лифта, а Леня решил подняться пешком.

— Ты дома? — удивился он. — Что это ты сидишь в четырех стенах, когда на улице такая прекрасная погода?

— А где мне прикажешь быть, как не дома? — отгрызнулась Лола, но без настоящего куража.

Нынешним вечером у нее было такое расслабленное состояние, что даже ругаться не хотелось. Ее компаньон ушел на какую-то деловую встречу, его вызвал один знакомый, якобы для того, чтобы предложить какое-то дело. Лола знала, что Леня вряд ли согласится, поскольку объекты для своих операций привык выбирать сам. Леня был мошенником экстра-класса, работал всегда один, то есть вместе с Лолой, и по мере надобности привлекал в процессе операции разовых помощников из числа старых проверенных знакомых. Сегодня Леня ушел на встречу, но Лола не слишком волновалась по этому поводу, потому что взяла со своего компаньона честное слово, что тот не станет ввязываться ни в какие сомнительные дела. Уж слишком много неприятностей случилось у них в последнее время. Казалось, судьба втягивает в них Лолу с Маркизом помимо их воли. Ну, разумеется, они с честью выходили из любых пе-

редряг, но все же везению когда-либо придет конец, а что тогда будет, Лола не смела и думать.

— Ты голоден? — спросила она Маркиза голосом заботливой жены.

— Не то чтобы голоден, но чаю с удовольствием выпью! — объявил Леня и устремился на кухню.

Лола взглянула на часы и покачала головой — четверть двенадцатого, кто в такое время ест? Впрочем, она не собирается указывать Ленке, это его личное дело. Лола нажала кнопку электрического чайника, выставила на стол сухое печенье и коробку трюфелей. Маркиз глянул на стол и удивленно поднял брови. Под его взглядом Лола полезла в холодильник и достала оттуда солидный шмат ветчины, упаковку нарезанной ломтиками семги и кусок орехового рулета, после чего Леня сам ревизовал холодильник и добавил на стол еще баночку маринованных огурчиков и салями. Пока его боевая подруга заваривала чай, Леня успел отрезать кусок черного хлеба размером с надгробную плиту криминального авторитета и аккуратно уложить на него ветчину, салями и огурцы. Положив в большую кружку три ложки сахара, он размешал, отпил большой глоток и поморщился, после чего добавил еще одну ложку и только после этого откусил полбутерброда. По лицу Маркиза разлилось умиротворение, он подмигнул Лоле и снова отхлебнул из кружки, на которой был изображен черный кот с белыми лапами — судя по внешнему виду, близкий родственник Асвольда. Кот сидел, аккуратно сложив лапы, и внимательно наблюдал за божьей коровкой, ползущей по травинке.

То есть это нарисованный кот сидел спокойно, занимаясь созерцанием, а живой Аскольд в это время, почуяв запах копченой семги, страшно возбудился и встал на задние лапы возле стола, передними пытаясь дотянуться до вожаемой рыбы.

В принципе такое поведение было для Аскольда нехарактерно: он никогда не опускался до вульгарного попрошайничества, и Леня слегка удивился.

— Ты что — не кормила животных? — сурово спросил он Лолу, поскольку в кухню явился заспанный Пу И и с жадностью уставился на ореховый рулет.

— Как это — не кормила? — забеспокоилась Лола. — Ты что говоришь-то? Разумеется, кормила, и плотно, как полагается в девять вечера, у них же режим! Попробовала бы я их не накормить, что бы они со мной сделали, интересно знать! Просто они жуткие обжоры, да ты еще тут не вовремя соблазняешь!

Леня промолчал, но удивленно оглянулся в поисках попугая Перришона, поскольку уже привык видеть всю троицу вместе. Откровенно говоря, так ему было спокойнее, поскольку попугай несомненно был самым хулиганистым из питомцев. Иногда он даже позволял себе такой откровенный акт вандализма, как нагадить на очередной Ленин безумно дорогой пиджак. Леня вспомнил, что, как всегда, бросил одежду в спальне на кровать, за что ему неоднократно попадало от Лолы. Она утверждала, что попугай совершает уголовно наказуемые деяния нарочно, чтобы при-

учить Маркиза к порядку и аккуратности. Леня страшно забеспокоился.

— Дорогая, а где Перришон? — спросил он, прожевав бутерброд. — Что-то его не видно...

— Ой! — вскрикнула Лола. — Вот его-то я как раз забыла покормить! Боже, бедная птица!

Она сорвалась с места и бросилась в гостиную, обеспокоенный Леня побежал за ней. Лола с душевным трепетом сдернула с клетки платок, поугай тотчас же подпрыгнул в клетке и заорал:

— Кошмар-р! Жр-рать!

— Он прав, — заметил Леня, укоризненно глядя на свою провинившуюся подругу, — как это тебя угораздило забыть про поугая?

— Когда я их кормила, он спал, я не хотела его будить, а потом я зачиталась, — виновато бормотала Лола. — Ты не представляешь, какая интересная книжка! Это Конрад Лоренц, об этике животных...

— Вместо того чтобы книжечки почитать, лучше бы за животными следила! — запальчиво начал Маркиз.

Злить Лолу не следовало, Леня в принципе это знал, но от расстройства подзабыл.

— Ах вот как? — тихим голосом начала Лола. — Стало быть, я почитаваю книжечки, а ты страшно занят, да? Делом ты у нас, оказывается, занимаешься, да?

Леня счел за лучшее промолчать. Он выпустил Перришона из клетки, тот сразу же сел к нему на плечо и заворковал вкрадчиво:

— Пер-ренька хор-роший, Пер-реньке ор-решков...

— Конечно, дорогой, конечно, — растрогался Ленья, — сейчас пойдем на кухню, Перенька покушает, все будет хорошо...

— Ой! — пискнула Лола, уже находясь в кухне. — У него же орехи кончились! А я забыла купить!..

— Дур-ра! — заорал попугай так громко, что Ленья вздрогнул.

— Перришон!. — начал он строго. — Лола, конечно, виновата. Но ругаться нехорошо. Разве ты когда-нибудь слышал, чтобы я ее обзывал подобными словами?

Лола подумала про себя, что попугай мог слышать не только эти слова, но еще и многие другие, поскольку Ленька, когда разъярится, совершенно не следит за собственной речью. Однако попугай вел себя совершенно по-хамски, еще никому в этом доме не удавалось довести Лолу почти до слез. В самом деле, кому приятно, когда собственный попугай обзывает дурой? Тем более что это не соответствует действительности...

Раньше Лола никогда такого бы не простила, и попугаю была бы обеспечена веселая жизнь недели на две. Лола дулась бы, отчитывала его, перестала бы кормить вкусненьким, и Перришон был бы вынужден довольствоваться обычным птичьим кормом.

Такое могло бы произойти раньше. Но не теперь, ибо теперь Лола прочитала замечательную книгу Конрада Лоренца «Кольцо царя Соломона», где много говорится о поведении животных, в частности о птицах. И вообще Лола в последнее время много думала и пришла к выводу, что они с

Леней неправильно воспитывают своих домашних любимцев. Она, например, что уж греха таить, ужасно разбаловала Пу И. Конечно, Пу И — это ее единственная радость в жизни (тут Лола слегка покривила душой, но учитывая отповедь, которую она получила сегодня от попугая, такое неудивительно).

А кот Аскольда распустил Ленька, он ему все позволяет и никогда не наказывает. Попугай же считался у них общим, то есть не имел постоянного хозяина. В свое время он просто влетел в открытую форточку, и у Лолы и Маркиза не хватило духа выгнать его снова на мороз. Лола повесила объявления на дверях подъездов их дома о том, что найден попугай, большой, разноцветный и очень красивый. Но никто на объявления не откликнулся, и Леня утвердился в мысли, что хозяева попугая нарочно оставили форточку открытой, чтобы избавиться от хулиганской птицы. Действительно, манеры у попугая оставляли желать лучшего.

«В этом-то все и дело», — подумала Лола.

— Ты о чем это? — подозрительно осведомился Маркиз, потому что Лола в задумчивости произнесла эти слова вслух.

После того что сказал попугай, Леня ожидал скандала и взрыва эмоций и даже потихоньку посоветовал Перришону убраться куда подальше, но нахальная птица его не послушалась.

— Мы все делаем неправильно! — объявила Лола. — Бедный Перришон страдает от одиночества и недостатка внимания...

— Вот как? — удивился Маркиз. — Чего же ему не хватает?

— Ну ты сам посуди: Пу И все-таки выходит на прогулки, опять же я вожу его в кафе и вообще на люди — себя показать.

— Свадьбу ему устроила в прошлом месяце, — поддакнул Маркиз.

— Это не я, а хозяйка его невесты Пенелопы, — отмахнулась Лола.

— Не напоминай, — вздохнул Леня. — Как вспомню, сколько нервов вы испортили нам с Пу И...

— Ты-то тут при чем? — удивилась Лола. — Это же не тебя женили...

— Ладно уж, не будем углубляться, — проворчал Леня. — Кстати, как там поживает будущая мама Пенелопа? Надеюсь, она хорошо себя чувствует?

— Ой, нужно завтра позвонить и поинтересоваться! — спохватилась Лола. — Я очень волнуюсь за будущих щенков... Так вот, ты меня все время отвлекаешь, я так и не могу выразить свою мысль. Значит, Пу И ведет активный образ жизни, кот Аскольд, наоборот, превыше всего ценит личный покой, ему вполне достаточно общения с тобой.

— Допустим... — протянул Леня, в голове его мелькнул какой-то вопрос, но его отвлекли дальнейшие слова Лолы.

— А бедный Перришон все время сидит дома, у него совершенно нет никакой отдушины! Именно поэтому он все время подбивает кота и Пу И на всякие каверзы!

— Ты хочешь сказать, что Перришон пачкает

мои пиджаки исключительно от тоски? — изумился Ленья.

— Вполне возможно! — Лола смело встретила его взгляд.

— Не хочешь ли ты предложить мне взять в дом еще одного попугая, чтобы Перрришончику не было так одиноко? — всерьез разозлился Ленья.

Никогда нельзя решать серьезные вопросы во время еды, это вредит пищеварению. Лола прекрасно знала эту истину, но все же налила себе чаю и съела конфету. От сладкого она успокоилась и придвинула коробку Лене.

— Ты зря так кипятишься, — примирительно начала она, — я вовсе не хочу иметь в доме еще одного хулиганского попугая. Просто нужно вплотную заняться его воспитанием, кстати, и кота с Пу И подтянуть.

Тут Ленья наконец осознал, какой вопрос он хотел задать Лоле уже давно.

— Слушай, а где Аскольд?

Кота на кухне не было. Не было также на столе и увесистой упаковки с копченой семгой.

— Батюшки! — ахнула Лола. — Ему же нельзя соленой рыбы!

Кота обнаружили в комнате Маркиза, в самом темном углу. Он пытался когтем вспороть вакуумную упаковку. Рядом бестолково суетился песик.

Чтобы отнять рыбу, пришлось шлепнуть кота полотенцем, только тогда он отскочил, шипя, как раскаленный утюг.

Пищевая упаковочная промышленность оказалась на высоте, и рыба не пострадала. Кот улепетнул на шкаф и глядел оттуда, злобно мигая

изумрудными глазами, как старый радиоприемник.

— Вот видишь, — говорила Лола, — вот видишь... Если уж кот оказался таким, то что требовать от попугая?

— Что же ты предлагаешь? — сдался Леня.

— Нужно обратиться к специалистам! — объявила Лола. — Пускай Перришоном займется профессионал.

— Перренька, — ласково заговорила она, — ты хочешь учиться?

— К чер-рту! — честно ответил попугай.

Маркиз захохотал, но Лолу это несколько не обескуражило.

— Я все равно не отступлюсь! — пообещала она.

Леня Маркиз плохо спал этой ночью, потому что кот Аскольд, страшно рассердившийся по поводу рыбы и удара полотенцем, долго возился на шкафу, шуршал там старыми журналами и сбрасывал их на пол. Потом, как только Леня задремал, кот обрушился вниз с шумом и грохотом, как будто это не кот, а мартовская лавина. Леня в ужасе вскочил с кровати, думая, что в городе началось землетрясение. После этого кот начал царапать дверь, требуя, чтобы его выпустили в коридор. И уже под утро такое же царапанье донеслось из коридора. Таким образом злопамятный Аскольд мстил хозяину за вечерний инцидент.

Когда Леня вышел на кухню, встряхивая тяжелой головой, он застал там Лолу, свежую, как май-

ский день, веселую, как птичка, и полную энергии, как батарейка Энерджайзер. Лола пила кофе — со сливками, но без сахара, как обычно, — и листала газету «Реклама-шанс».

Маркиз сразу понял, что за ночь Лола только укрепилась в своем решении дать животным приличное воспитание. Он не стал спорить, налил себе кофе — очень крепкий, густой, с большим количеством сахара, но без сливок, и молча наблюдал за своей энергичной подругой.

— Так... корма для кошек и собак... это не то... — Лола вела по странице кончиком карандаша, — корма для аквариумных рыб... тоже не годится... корма для пресмыкающихся и земноводных... корма для птиц — это немножко теплее, но все-таки не совсем... Отдам в добрые руки полуторамесячного щенка питбуля... это, конечно, соблазнительно, но боюсь, Аскольд и Пу И станут возражать... кроме того, ему ведь не всегда будет только полтора месяца... А тут, Ленечка, представь — отдают в добрые руки аллигатора!

— Он же эти добрые руки запросто откусит, — прокомментировал Леня, — и хорошо, если только по локоть!

— А вот тут, смотри-ка, продаются пираньи!

— Ну что, отличная вещь! — Маркиз оживился. — У тебя врагов нет?

— Врагов? — Лола задумалась. — Разве что Ленка Сыромятникова... она прибрала к рукам все мои роли...

— Вот! — Леня кровожадно ухмыльнулся и потер руки. — Покупаешь парочку пираний и запускаешь их Ленке в ванну!

— Соблазнительно! — Лола порозовела и мечтательно уставилась в потолок, видимо, в красках представив себе конкурентку, купающуюся в ванне с пираньями. Через секунду она помотала головой, отбрасывая восхитительное виденье, и продолжила изучение газеты.

— Пошив одежды «от кутюр» для собак и кошек! Леня! Это нам просто необходимо! Пу И у нас очень плохо одет, а Аскольд вообще ходит в чем мать-кошка родила! В конце концов, это просто неприлично! Он же взрослый, солидный кот!

Аскольд, вовремя появившийся на кухне, поднял голову и посмотрел на Лолу с крайним неодобрением.

— С Аскольдом у тебя вряд ли что-нибудь получится, — совершенно серьезно проговорил Леня, — вот именно, что он взрослый, солидный кот, со сложившимся характером и устоявшимися привычками, и всякого, кто попробует его одеть, так расцарапает, что мало не покажется. А Пу И ты, по-моему, и так неплохо одеваешь...

— Но я просто не знала, что для него есть одежда «от кутюр»!

— Кажется, ты искала что-то другое, — напомнил ей Леня.

Лола надулась и перевернула страницу.

— Так... здесь, кажется, началось то, что нам нужно. Школа дрессировки собак...

— Перришону вряд ли понравится сидеть за одной партией с ротвейлером или доберманом!

Попугай, внимательно прислушивавшийся к

разговору, всплеснул крыльями и полным драматизма голосом воскликнул:

— Террор! Р-расизм! Пр-реступный сговор-р!

— Видишь, как он недоволен! — Маркиз покопался на попугая. — Боюсь, от стресса у него выпадут все перья! Кроме того, ты представляешь, как тяжело ему будет выполнять команды «лежать» или «фас»!

— Ленька, прекрати! — Лола запустила в компаньона подушкой. — Не делай из меня дуру!

— Конечно, он станет первым в истории служебно-разыскным попугаем, — с невинным видом проговорил Леня, возвращая подушку на место, — а это очень почетно...

Лола обиженно отвернулась от Маркиза и углубилась в изучение газеты. Будучи от природы очень отходчивой, через несколько минут она забыла свои обиды и радостно воскликнула:

— Вот, кажется, это то, что нам нужно! Школа для любых домашних любимцев! «Мы улучшим манеры вашего любимца. После нашей школы вы его просто не узнаете», — прочитала она рекламное объявление.

— Звучит двусмысленно. — Леня на всякий случай отодвинулся подальше от Лолы и убрал подушку. — Я бы предпочел узнать Перришона. А то вернут тебе совсем другого попугая или вообще — отдашь им Перри, а вернут тебе какого-нибудь индюка... ты его тогда точно не узнаешь!

— Заткнись, — коротко ответила Лола, протянув руку за телефонной трубкой. — Ты отлично знаешь, что такое реклама.

Лола набрала номер «звериной школы».

Ей ответил мелодичный и приветливый женский голос.

— Здравствуйте! Спасибо за звонок в школу домашних любимцев «Артемон»! Чем мы можем вам помочь?

— Скажите, ведь вы занимаетесь... воспитанием не только собак?

— Конечно, нет! — с энтузиазмом ответила дама. — У нас есть специальный «курс молодого кота», где наши опытные инструкторы прививают осиротевшим котяткам необходимые гигиенические навыки, приучают их точить когти только в специально отведенных для этого местах и не проявлять нездорового интереса к хомякам, морским свинкам и прочим домашним животным... для самих хомяков тоже есть небольшой курс. Конечно, они не так развиты, как собаки и кошки, но мы обучаем их чистоплотности...

— Дело в том, что мой любимец — не четвероногий, — прервала Лола свою собеседницу.

— Не четвероногий? — Та искренне удивилась. — А какой же? Ах да, ведь есть еще змеи... но их вряд ли можно чему-то обучить. Они настолько самоуверенны, что совершенно не поддаются человеческому влиянию...

— Нет-нет! — в ужасе прервала Лола свою собеседницу. — Я совершенно не выношу змей!

Она вспомнила, как Маркиз, вернувшись из Египта, принес в дом змею, которую выдал за смертельно ядовитую египетскую кобру, и при этом воспоминании ее передернуло.

— А кто же? — Девушка окончательно растерялась. — Рыбки? Но чему их можно научить?

— Да не рыбки! — Лола повысила голос, и Аскольд удивленно поднял левое ухо. — Не рыбки, а птица! У меня попугай!

— Ах да, действительно... — Девушка заметно поскуцнела. — Нет, к сожалению, для попугаев мы ничего не можем предложить... но вы не расстраивайтесь, мы постоянно находимся в творческом поиске и учтем ваши интересы. Звоните нам перед началом будущего учебного года, возможно, к тому времени мы уже откроем специальный класс для попугаев...

— А до будущего года он так и будет жить невоспитанный?

— Но ведь попугаи живут очень долго! Один год для него — не такой уж большой срок!

— Спасибо, утешили! — недовольно проворчала Лола. — Для него, может быть, и небольшой, а для меня — очень даже большой! — и с этими словами она раздраженно бросила телефонную трубку.

Наступившая в комнате тишина показалась Лоле подозрительной. Она подняла глаза на Маркиза. Боевой товарищ смотрел на нее с нескрываемым раздражением.

— Что такое? — невинно прошептала Лола. — Ленечка, ты чем-то недоволен?

— Кончай маяться дурью! — рявкнул Маркиз. — Немедленно прекрати этот театр одного актера!

— И одного зрителя, — не удержалась Лола от реплики.

Однако она почувствовала, что на этот раз действительно немного переиграла и Леня всерьез разозлился. Чтобы восстановить мир в доме, Лола

решилась на колоссальную жертву: она направилась к плите и поставила в духовку венские булочки.

Конечно, это были замороженные полуфабрикаты булочек, но для нее и это являлось настоящим трудовым подвигом, а когда по квартире поплыл божественный аромат корицы и цукатов, Леня подобрел и смягчился.

Однако Лола не так легко меняла свои планы. То, что она вбила в свою хорошенькую головку, выбивалось оттуда с трудом.

Как только Маркиз расправился с булочками, привел себя в порядок и умчался по каким-то таинственным делам, она снова схватилась за телефон.

Когда у Лолы возникали серьезные проблемы, она обращалась к Маркизу, потому что тот умел справляться с ними, как никто другой. Серьезные проблемы были его специальностью.

Когда у Лолы возникали мелкие бытовые проблемы, она обращалась к Розе Тиграновне Аштоян, косметичке из салона красоты «Василиса». Правда, сама Роза Тиграновна очень обижалась, если ее называли косметичкой.

«Косметичка, золотая моя, — это маленькая сумочка для дамских мелочей, — говорила Роза Тиграновна, — а я — косметолог!»

Лола обращалась к Розе Тиграновне по всякому мелкому поводу, потому что ее специальностью были маленькие дамские проблемы. И еще потому, что у нее было очень много знакомых. Если Роза Тиграновна не могла справиться с проблемой сама — она находила человека, который мог.

Вот и сейчас Лола набрала номер салона «Василиса».

Розу Тиграновну позвали к телефону, и Лола обрадовалась, услышав ее низкий басовитый голос, вполне подходящий для дона Базилио из «Севильского цирюльника».

— Розочка Тиграновна, — пропела Лола своим чарующим голосом, — это Лола. У меня небольшая проблема...

— Угри? — деловито осведомилась дама.

— Нет, что вы! — Лола махнула рукой, хотя собеседница не могла этого видеть.

— Неужели перхоть? — в ужасе воскликнула косметичка.

— Ну что вы! Я же сказала — *небольшая* проблема!

— Так в чем же дело? — Роза Тиграновна была заинтригована.

— Дело в том, что... мне нужен специалист по попугаям.

— Ваш попугай заболел?

— Нет, к счастью... но он стал очень грубо выражаться!

— Матом? — поинтересовалась дама.

— Ну, до этого, слава богу, пока не дошло... ему просто негде этого набраться... но все равно, он стал очень груб, и я хочу найти специалиста, который может что-то с этим сделать...

Роза Тиграновна совершенно не удивилась. Она привыкла к тому, что у богатых женщин встречаются самые невероятные причуды и что все эти причуды в наше время могут быть удовлетворены.

— Лолочка, золотко, подождите одну минуту, у